DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-69-86

А. Ф. Некрылова (Санкт-Петербург)

Имя собственное в русской традиционной культуре. От святой Екатерины до ракетной установки «катюша»

A. F. Nekrylova (Saint-Petersburg)

Proper Names in Russian Traditional Culture: from Saint Catherine to the Racket Launcher “katyusha”

Аннотация

В статье рассматриваются варианты популярного в России женского имени Екатерина, а также народная интерпретация этого имени, обусловленные феноменом «народная этимология» и верой в сакральность имени, предопределяющего судьбу человека. Стремление выявить изначальный исконный смысл заимствованного имени через включения его в ряд слов родного языка по принципу созвучия, фонетического уподобления (в данном случае близость глаголу «катать/ся» и производным от него словам) привело к наделению Екатерины в разных фольклорных текстах прямо противоположными качествами: красавица, любительница гулять и веселиться, модница, соблазнительница и – верная жена, подруга. Высказываются предположения о влиянии народных толкований имени Екатерина на характер одноименных героинь русских писателей (Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский и др.).

Ключевые слова: *имя собственное, Екатерина, русские варианты имени, народная этимология, традиционная культура, фольклорная интерпретация популярного имени*

Abstract

The article explores the variations of Catherine, the popular female name in Russia, as well as folk interpretations of this name, conditioned by the phenomenon of “folk etymology” and the belief in the sacredness of a name, which is thought

to predetermine a person's fate. The desire to uncover the original, intrinsic meaning of a borrowed name by integrating it into the native language through sound resemblance and phonetic similarity (in this case, the closeness to the verb "katat'/sya" [to roll / ride] and its derived words) led to the attribution of the name Catherine by directly opposing qualities in various folklore texts: a beautiful woman, a lover of going out and having fun, a fashionista, a seductress, and – a faithful wife, a companion. The article suggests that folk interpretations of the name Catherine may influence the characters of her namesakes in Russian literature (L. N. Tolstoy, N. S. Leskov, F. M. Dostoevsky, and others).

Keywords: *proper name, Catherine, Russian variations of the name, folk etymology, traditional culture, folk interpretations of a popular name*

Хорошо известно, что имя, по народным представлениям, не внешний, случайный знак лица, оно – «персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме: мифологический заменитель, двойник или неотъемлемая часть человека»[1]. Повсюду отмечена вера в сакральность и судьбоносность имени, использование его как инструмент и объект магии, функционирование в качестве знака и/или символа культуры. Имя не только выделяет индивида из массы людей, но является его сутью: обретая имя, человек обретает и судьбу (точнее, предрасположенность к определенной судьбе). Не случайно по имени часто судят о характере, привычках, склонностях человека. Римляне говорили: «Nomen est omen» – «имя это предзнаменование», в Древней Руси существовало выражение: «По имени и житие твое».

Достаточно вспомнить, сколь важным и серьезным был и остается ритуал имянаречения новорожденного; долгое время сохранявшийся обычай иметь несколько имен[2] и скрывать подлинное имя из опасения привлечь всякого рода несчастья или в надежде обмануть злые силы; характерный для архаических эпох и отчасти бытующий до сих пор обычай менять имя (или варьировать его) в переломные моменты – с переходом в иную возрастную категорию, иной социальный статус, при вступлении в брак, постриге в монашество, перемене религии и т. д. Всегда существовала мода на имена – в какие-то периоды, без видимой причины, предпочитались одни и забывались, становились редкими другие. В быту, в обиходном, «домашнем» употреблении имена нередко обретали варианты,

---

[1] *Толстая С. М.* Имя // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 408.

[2] См. ряд статей Ф. Б. Успенского о двуименности, например: Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой Руси // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 273–291 (в соавторстве с А. Ф. Литвиной).

далекие от официальной полной формы имени, согласуясь с законами своего языка, удобством произношения и пр. У русских Иеремия становился Ерёмой, Елена – Аленой, Алёнушкой, Иоанна – Анной, Нюрой, Александр – Сашей, Саней, Шурой; Георгий – Юрием, Гошей, Жорой.

В устной сфере традиционной культуры особое место занимает народная этимология. Наиболее ярко этот феномен проявлен в ономастиконе. Оказавшись включенными в орбиту православных святцев, иноязычные имена христианских святых подверглись «народной этимологизации»: к ним подбирались слова своего языка по принципу созвучия, фонетического уподобления[3]. В результате новые имена, а также названия дней и праздников по именам святых и событий христианской истории и культуры зачастую получали интерпретацию, далекую от канонической церковной, но непременно соотнесенную с традиционным крестьянским мировоззрением, трудовыми циклами, с временно́й приуроченностью дней поминовения того или иного святого, со спецификой жанров, в которые оказалось включенным имя.

При этимологизировании имена как бы заново воссоздаются, со-творяются, и в них «прозревается» нечто свое и актуальное. Так, Тихон стал ассоциироваться с тишиной, с утихомириванием противника[4]; к пророку Науму обращались «Пророк Наум, наведи на ум», считалось, что в день памяти св. Фёклы (конец сентября) необходимо копать свеклу. Преподобный Феодор, епископ Студийского монастыря в Константинополе связывался со стужей («Федор Студит землю студит», «С Федора Студита зима сердита» и т. п.), что в глазах крестьянина было оправдано прежде всего тем, что день памяти святого приходится на 11/24 ноября.

---

[3] По мысли П. Флоренского, имя собственное представляет собой «формулу личности», в которой за внешней формой «прозревается» глубинное внутреннее содержание. Такое «прозревание» осуществляется за счет «вчувствования в звуковую плоть» имени, помещения его в некоторое гнездо созвучных слов родного языка, что приводит к широкому толкованию имени не только как сущности его обладателя, но и к наделению имени генерирующей функцией, порождающей различные действия, мотивировки (*Священник Павел Флоренский*. Имена. Кострома, 1993). Это то, что Н. И. Толстой определил как этимологическую магию с ее экстралингвистической, мифопоэтической функциями, характерными для целого ряда культурных текстов, основанных на народной психологии и традиционной картине мира (*Толстой Н. И.* Народная этимология и «этимологическая магия» // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332).

[4] Частое обращение к св. Тихону в заговорах: «Святой Тихон, утиши все болезни и недуги у рабы имярек...», другие примеры см.: *Некрылова А. Ф.* «Святой Тихон с неба спихан» // Живая старина. 2004. № 1. С. 30–32.

Народное толкование имен собственных, пришедших в русский язык с принятием христианства, удивляет своим разнообразием, в том числе прямо противоположными значениями.

Ограничусь одним примером: как на русском материале «работает» народная этимология в отношении распространенного имени **Екатерина**. Диапазон фольклорного восприятия и толкования полного официального имени и обиходных его вариантов велик: от святой, великомученицы (Екатерина) до веселой красотки-гулены (Катерина, Катенька), от верной жены и подруги (Катя, Катюша) до соблазнительницы и изменщицы (Катька).

Согласно житию, Екатерина Александрийская – дочь греческого царя Ксантоса, пострадавшая за веру в правление императора Максимилиана (нач. III в.). Подчеркивается талантливость и любознательность Екатерины, прекрасное образование (изучала философию, медицину, знала несколько языков, владела ораторским искусством). На диспуте Екатерина победила пятьдесят философов и ораторов. Обязательно говорится о ее необыкновенной, неземной красоте. Лицо святой девы сияет, «яко же пресветлая луна». Иконография (западноевропейская в большей степени) часто изображает святую увенчанную короной, с книгой, символом ее знаний, и с орудиями пыток – это меч, которым ее обезглавили, и колесо с шипами (Караваджо, Гверчино, Лукас Кранах Старший).

Димитрий Ростовский (Жития святых. 24 ноября) так описывает ужасное орудие пытки, которым пытались устрашить святую: император приказал соорудить «четыре деревянные колеса, а по ним вокруг наколотить разные железные острия: два колеса пусть обращаются в правую, а два в левую сторону; по средине же их пусть будет привязана девица, и вращающиеся колеса раздробят ее тело»[5]. Эти колеса, согласно житию, были разрушены сошедшим с неба ангелом, который избавил Екатерину от мук.

Житие, вероятно, отчасти опиралось на одно из признаваемых исконным значений имени Екатерина. По наиболее распространенной версии, оно восходит к др.-греч. Αἰκατερίνη – «чистая»; гр. καθαρή – «чистый, непорочный, сияющий». Правда, в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера такая версия отмечена как ошибочная. Оксфордский словарь личных имен указывает, что версия имени Αἰκατερίνη остается неясной. Основываясь на житии, Екатерину стали почитать покровительницей учащихся, адвокатов, философов, колесных мастеров, защитницей браков, а также девочек и влюбленных.

[5] Жития святых по изложению св. Димитрия Ростовского: В 12 т. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. 3: Месяц ноябрь. С. 676.

В православной традиции великомученица Екатерина – одна из самых почитаемых святых жен, мучениц, невест Христовых. Обычно на иконах ее изображали рядом с Параскевой Пятницей, Анастасией, Варварой. Неизменной была вера в способность этой святой быть заступницей женщин, детей, помогающей сохранить брак и т. д. К ней обращаются с просьбой избавить «от всякия притчи и от кровоточивыя болезни», от «вражия напущения» и т. п. Святая упоминается в целом ряде заговоров.

Например, вологодский заговор:

«Если на ребенка бессонница нападает, то выносят его запеленутого с закрытым личиком на крылечко под утреннюю зорьку, качают и говорят:

– Заря-заряница, ночная ночница, утренняя Марья, вечерняя Катерина, сними с младенца (имярек)... бессонницу, беспокоицу, шокотуху, егозуху, полуношницу. Аминь. Аминь. Аминь»[6].

«Заря Катерина» упоминается в ярославском заговоре на избавление ребенка от Крика[7]. К Екатерине-мученице обращаются в так называемых отсушках (чтобы отвадить парня или девицу), в заговорах «от ужаления змеей», в заговорах на рыбный промысел и в пастушеских заговорах – «чтобы уберечь скот от хищных зверей, болезней и порчи»[8]. Это то, что непосредственно или опосредованно порождено житием святой. Теперь о тех характеристиках Екатерины, которые объясняются народной этимологией и ассоциативными связями, порожденными тем же языковым явлением.

В православном календаре день памяти великомученицы Екатерины отмечается 7 декабря (24 ноября по старому стилю). В это время на территории всей Центральной России (а на севере тем более) уже царствует настоящая зима, со снегом или инеем на полях. Погодных примет, связанных с днем Екатерины, совсем немного. Зато с днем ее памяти связывается становление санного пути.

Этому способствовало акцентирование внимания на звукосочетании – *кат* (начало имени), т. е. сближении (значит и родственности) имени Катерина с глаголом «катать/ся» и производными от него. Вообще для

---

[6] Вятский фольклор: Заговорное искусство. Котельнич, 1994. С. 70. № 404.

[7] Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова / Отв. ред. А. К. Байбурин. СПб., 1994. № 57. С. 33.

[8] Молитвы и заклинания в круге жизни / Сост. К. Шумов. Пермь, 1997. № 54; Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова. № 174. С. 68; № 176. С. 68–69; № 285, С. 119; № 321. С. 137.

русских все содержание Катерининa дня сосредоточено вокруг слов с корнем *-кат*: «катать», «катить», «кататься», «укатить», «укатать», «прокатить», «докатиться» и связанных с ними действий, определений и пр., перенесенных и на Екатерину, которая самим именем обречена на реализацию значений и понятий, заложенных в словах с этим корнем (она всегда куда-то катится, кого-то прокатывает). Такое прочтение имени великомученицы Екатерины прекрасно вписывалось в календарный (климатический, погодный, хозяйственный и праздничный) период конца ноября – начала декабря.

Практически повсюду Катерину называли **санницей.** Именно в этот день в деревнях и во многих городах устраивали катанья на санях по молодому снегу, обновляли зимний путь. В костромских деревнях санки назывались *катунки*. «У нас, – писал А. С. Ермолов, – Катеринин день отмечается окончательным установом зимнего пути, сопровождающимся катанием на санях и гуляньями».

Распространенные присловья этого дня:

Катеринин день пришел – катанье привел.
На Катерину катайся – не завязнешь!
Катерина на санках катит к зимнему Егорью в гости.
Прокоп дорожку прокопает, а Екатерина укатает[9].

Главное внимание уделялось в этот день молодоженам. По словам И. П. Сахарова, в дом, «где была осенняя свадьба, сходились все родные смотреть, как поедут новобрачные. За молодыми снаряжался длинный поезд всех родных. Здесь впервые показывалась молодая после свадьбы и, по старому обычаю, должна была раскланиваться всем соседям. Сани новобрачных всегда отличались пред другими: их или расписывали красками с выводами, или позолачивали сусальным золотом. Боярские сани украшали волчьи и медвежьи меха. Поездом новобрачных управляли самые близкие родственники. Свекор и свекровь, отправляя свою невестку на гулянье, просили провожатых беречь молодую от всякой беды, а более всего от лихого глаза. Подле порога, в сенях, постилали овчинную шубу навыворот. Когда приезжали с гулянья, на этой шубе свекор и свекровь

[9] *Ермолов А. С.* Всенародный месяцеслов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901. Т. 1. С. 543; *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 897; Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г. Д. Рыженков. М., 1991. С. 75.

встречали свою невестку. Здесь провожатые сдавали с рук на руки молодых. Вечерняя пирушка оканчивала торжество»[10].

Брачными мотивами буквально наполнены фольклор и обрядовая сторона дня св. Екатерины. Напомним, что выпадал он на время сватовства и свадеб и что сама великомученица Екатерина и у нас, и у других славян, и в ряде европейских стран считалась покровительницей влюбленных, прежде всего невест, и устроительницей браков, помощницей при трудных родах. Потому в русских деревнях для девушек вечер под Екатерину – время ворожбы.

На Екатерину гадают о женихах.

В России традиционно праздничное катание в санях сопровождалось демонстрацией селу, общине не только новобрачных, но ухаживанием молодых людей за понравившимися девушками. Строгие и придирчивые бабушки, матери, старшие сестры всегда наблюдали за тем, кого катает их «малец», достигший возраста жениха, или к кому в сани чаще садится их девица на выданье. На традиционные «екатерининские» гонки на санях сходились всем селением – посмотреть на молодых парней и мужиков, оценить их удаль, сноровку, силу. Отдавали должное и лошадям, и качеству саней, упряжи. Все это потом служило темой для разговоров, предположений, а в молодежной среде породило массу частушек, в которых и радость от быстрого бега саней, от приглашения или ответа на него, и ревность, и обида на то, что не каждый парень мог покрасоваться санями и лошадьми.

Купи, тятенька, конька,
Золотые ножки.
Буду девочек катать
По большой дорожке.

Девочки, беляночки,
Садитесь ко мне в саночки.
Я мальчишка в чуечке
Прокачу вдоль улочки.

Ванька сватался – катался,
Он к милашке наровлялся,
Новы сани изломал,
А милашки не видал.

[10] Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 320.

У Н. А. Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо» есть строки:

Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковой,
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день... (рассказ Матрены Тимофеевны)[11].

Маленьким именинницам-Катюшам дарили игрушечные санки с куклами. Эта обязанность лежала на тещах и крестных матерях[12].

С Екатерины-санницы нередко начинался зимний извоз. Отгуляв, мужики (отцы семейств) и молодые парни (особенно если им надо было заработать на свадьбу) «укатывали» из своих деревень, отправлялись в ближние и дальние города со своим товаром (хлебом, рыбой, пушниной и пр.) или нанимались перевозить товары купцов, промышленников и т. д.

Катания, гулянье, ухаживания, естественно, сопровождались и фривольным поведением, обниманиями, поцелуями, ревностью и пр. Предусмотренная традицией свобода гулянья, праздничная раскрепощенность поведения молодежи привели к тому, что за покровительницей зимнего санного гулянья закрепилась характеристика девушки, любящей гулять, со всеми оттенками значений этого слова – ходить в гости, красоваться в модном наряде, с размахом веселиться, фамильярничать, выбирать «миленка» и даже отбивать ухажеров и мужей. На народный образ Катерины (особенно в хороводных, плясовых, шуточных песнях, в пословицах и поговорках, дразнилках) с легкостью накладывались все прямые и переносные значения слов, производных от «катать / кататься». *Катить во всю ивановскую* – жить без оглядки, гулять, кутить; *кататься* со смеху; *закатывать(ся)* – пить, гулять, кутить; *скатиться* (опуститься); *катанье* – празднество, гулянье, езда для забавы; *укатать* (замучить: *Укатали сивку крутые горки*); *вкатить* (выговор, пощечину); *Катись ко всем чертям; Не мытьем, так катаньем, а свое возьме*т; *катки задавать* (владим.) – обычай валять в снегу молодых в последнее воскресенье на Масленице.

Почти формулами являются частые выражения: «Задурили Катька с Митькой» или «У Катюши друг Ванюша». С течением времени подобная характеристика Катерин вышла далеко за пределы Екатеринина дня и вовсе уже не связывалась с Катериной-санницей, зато подчеркивалась ее открытость (никакой маскировки), решительность,

[11] Примеч. Н. А. Некрасова: «Первое катанье на санях» (*Некрасов Н. А.* Сочинения: В 3 т. М., 1959, Т. 3. С. 170).

[12] Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 320.

темпераментность. Это вполне земная женщина, знающая себе цену и склонная к авантюризму.

Несколько примеров:

Плясовая песня, популярная еще в конце XVIII – начале XIX в., вошедшая в сборник Н. Львова – И. Прача:

Как пошли наши подружки в лес по ягоды гулять <...>
Они ягод не набрали, подруженьку потеряли...
Нашли Катерину «под елью»:
А под елью-то кравать, на кравате-то перина,
На кравате-то перина, на перине Катерина,
На перине Катерина, перед ней стоить детина,
Перед ней стоить детина, он просит Катерину:
– Коли любишь, так скажи, а не любишь, откажи;
– Я любить не люблю, отказать не хочу[13].

Кадриль, записанная в Ярославской области:

Катя в рощице гуляла,
Ягодки сбирала.
Невзначай нашей Катеньке
Молодец попался.
Он попался, попался,
За рученьку брался. <...>

Катя сначала отталкивает попытавшего обнять ее парня, затем спрашивает: «Что ты, душечка молодец, / Редко в гости ходишь?.. / Подарки не носишь?». Он обещает одарить ее «кумачом-китайкой». Девица отвечает:

– Кумачу я не хочу,
Китайки не надо!
Если хочешь, душа, купишь
Золото колечко[14].

---

[13] Текст полностью и ноты см.: Русские народные песни, собранные Николаем Львовым, положенные на музыку Иваном Прачем, опубликованные в 1790–1806 гг. / Изд. подгот. Е. Е. Васильевой, В. А. Лапиным; Оформление А. В. Стрельникова. СПб., 2012. № 67. С. 88.

[14] Песни и сказки Ярославской области. Ярославль, 1958. С. 243–244. Первая строчка данного текста – это начало стихотворения Н. М. Шатрова «Катя в рощице гуляла / Друга милого искала...», продолжение – вариант песни «Во саду ли, в огороде». Стихотворение Шатрова вошло в песенники с начала XIX в. (Песни русских поэтов: В 2 т. /

В жнивной песне из Новосибирской области «два молодца ячмень жнут», а «на долине две Катерины пшеницу мнут» и призывают своих милых:

Принеси, боже, маго милого раненько.
Да хоть раненько, да хоть поздненько[15].

В Козельском районе Калужской области еще в конце 1960-х гг. бытовала песня о Катерине, купеческой дочери, которая «прогуляла всю темную ночь», а по утру за ней «пришли пароходы» и хотят ее взять «один матрос старый, другой молодой»[16].

Широко известен троицкий хоровод о сватовстве к девице разных женихов. Причем имя героини практически всегда – Катя, Катюша.

...Сватался к Катюшеньке
Из Москвы большой купец, (2)
Сказывал-рассказывал
Про свое Кате житье: (2)
«Есть у мня, Катюшенька,
Девяносто кораблей».
Думала-подумала:
«Я за этого не пойду». (2)

Далее сватается «из деревни мужичок» и тоже получает отказ.
Выбор Катюши падает на музыканта из трактира:

«Есть у мня, Катюшенька,
Есть и скрипка, и гудок, (2)
Скрипка и гудочек.
И балалайка возле бок». (2)
Думала-подумала:

Сост., вступ. ст., биограф. справки, примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 1. № 92. С. 167–168, 585), в нем героиня ждет милого в роще, но он не приходит. По народным представлениям, Катя лирических песен не может быть обманутой, потому сразу же сюжет переводится в другой регистр, в благополучное свидание и заигрывание с милым дружком, как это подано в песне «Во саду ли, в огороде». Не случайно и Н. А. Некрасов (в поэме «Коробейники») называет свою героиню Катей, используя строки песни в качестве эпиграфа и самого сюжета: «...свидание Кати и Вани, Катя отказывается от штуки ситца, алой ленты и пояса и берет только один бирюзовый перстенек».

[15] Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 278. № 544.

[16] Городские песни, баллады, романсы / Сост., коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М., 1999. С. 223. № 240.

«Я за этого пойду: (2)
Сытая, не сытая,
Завсегда я весела,
Пьяна ли, не пьяна ли,
Завсегда я плясея,
Выйду я на улицу –
Музыкантова жена»[17].

Наборная хороводная из Тверской губернии начинается словами: «Уж ты Катя, Катерина, / Зачем любишь дворянина?»[18].

В Ленинградской области уже в наше время бытовала песня о Катюше, ожидающей милого:

Катенька милая да
По саду гуляла,
По саду гуляла,
Думала-гадала <...>
Не сегодня-завтра
Ко мне милый буде...[19]

Достаточно известной была хороводная песня, встречающаяся еще в песенниках XVIII в. и многих собраниях XIX–XX вв., особенно популярная в Усть-Цильме:

По калинову мосточку
Сын дворянский проезжал.
Калина, калина, калинушка моя (*припев после каждой строфы*).
Сын дворянский проезжал,
К Кате в гости приезжал. <...>

Катя его встречает, приглашает в нову горницу, потом в нову спаленку

В новой спаленке спокой –
Только двое мы с тобой.
На ту пору, на тот час
Да муж из Питера сейчас.

---

[17] Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995. С. 134–135, № 661; Печорский вариант: *Бахтин В. С.* Русская лирическая песня. СПб., 2004. С. 171–172. № 186.

[18] *Бахтин В. С.* Русская лирическая песня. С. 399. № 531.

[19] *Лапин В. А.* Музыкально-песенный фольклор Ленинградской обл. Вып. 2. Л., 1989. С. 51–52. № 53.

Далее Катерина оправдывается, остроумно объясняя, откуда конь, деньги, шляпа, что «за мальчик, за сокол» оказался у нее в гостях. Выслушав ее, муж отвечает:

– Не обманывай, Катюша, –
Подогадливей тебя[20].

Здесь адюльтер преподносится с юмором, в духе популярных сюжетов о молодой жене и старом муже, которого молодая жена обводит вокруг пальца.

Нередко страсть к любовным похождениям, запретная любовь порождают и трагические сюжеты. Катька в таких текстах, что называется, докатилась до ужасной развязки. Это сюжет популярной былины-баллады «Чурила и Катерина»[21]. Гуляя по Киеву, Чурила – щеголь, красавец, любимец женщин – заходит в гости к Катерине Микуличне, давно его поджидающей. Об их любовных встречах служанка доносит старому мужу Катерины – Бермяте, который, возвратившись из церкви, убивает любовников. Осуждение греха прелюбодеяния сочетается в былине с сочувствием к любовникам, хотя их грех – двойной: Катерина изменяет мужу в день Благовещения, Пасхи или Троицы.

Стоит напомнить и о том, что широко распространенная в городском быту позапрошлого века шарманка названа так по любимой песне «Шарман Катрин», которая непременно входила в репертуар этого музыкального ящика и с которой нередко начинался набор мелодий. В некоторых местах и сама шарманка называлась *катеринкой*.

Катерина Ивановна, Катя, «Мамзель Катерина» попала и в уличную кукольную комедию «Петрушка», где она – Барыня, подруга глупого Барина или не менее глупого Капитана-исправника, с которыми уморительно танцует[22]. В одном из вариантов кукольной комедии Катя – невеста Петрушки. Костюм ее «имеет много разновидностей и меняется соответственно данной либо господствующей моде, конечно, в карикатурном ее проявлении». В ее адрес «в угоду зрителям» кукольник зачастую отпускает «разные остроты», в том числе неприличного пошиба. «Предлогом же к этому чаще всего служит именно туалет персонажа, причем

[20] «А в Усть-Цильме поют...». Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы. СПб.: Изд-во «Ин-КА», 1992. С. 165–167. № 72, 72а.

[21] Тексты см., напр.: Былины / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986. С. 265–268, варианты – с. 459–463.

[22] Народный театр. М., 1991. С. 225, 243, 264.

что-нибудь модное утрируется на крале положительно до смешных размеров»[23].

На лубочном листе-иллюстрации к песне «Вниз по матушке по Волге» упоминается «Катеринино подворье» и сама Катерина, встречающая разбойников. Она

Неспесива, к ним навстречу выходила,
Такую речь говорила:
– Не прогневайся, Хозяин,
в чем сидела,
в том и вышла»[24].

Лубок сохранил и популярную городскую песню :

Во всей деревне Катинька
Красавицей слыла,
И в самом деле Катинька
Как розанчик была.
Прекрасны русы волосы
По плечикам вились,
А глазки, только взглянь на них,
С сердечком распростись.
И все удалы молодцы
За Катинькой гнались,
А жены все с мужьями уж
За Катиньку дрались![25]

В песенниках позапрошлого столетия нередко встречается песня «Дует, дует ветерок», в качестве плясовой она была записана П. И. Якушкиным в Калужской губернии.

Дует, дует ветерок
Из трактира в погребок

[23] Кабинет рукописей РИИИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 298, л. 194.

[24] «Вниз по матушке по Волге...». М., 1870. Литография П. А. Глушкова; «Вниз по матушке по Волге...». М., 1878. Металлография; черно-белый вариант (Русский лубок XVII–XIX вв. / Авт.-сост. Вл. Бахтин, Дм. Молдавский. М.; Л., 1962. № 84; раскрашенный вариант: Народный театр. М., 1991, ил. № 16).

[25] «Катинька. Во всей деревне...» / Изд. Белянкина. М., 1849; «Катинька. Во всей деревне...». М., 1854. Металлография В. Зернова. Описание см.: Лубок. Часть 1. Лирическая песня / Сост. и коммент. С. А. Клепикова. М., 1939, № 22. С. 38—39; воспроизведение: *Иванов Е. П.* Русский народный лубок. М.; Л., 1937. С. 72. Песня попала в лубок и песенники из комедии-водевиля «Катенька, или Семеро сватаются, одному достается» (1836).

Все девчонки веселятся,
На улице корогод.
Бедна Катенька томится,
Гулять хочет, да нельзя.
Ее маменька бранится,
Словно лютая змея...[26]

Можно привести и детские дразнилки, поддевки, назывки, обыгрывающие сходные мотивы:

Катя-Катя, Катерина!
Нарисована картина.
Катя волосы чесала,
Кавалера поджидала.

Катя-Катерина,
нарисована картина,
На картине плюшка (шлюшка) –
Катя-Катерюшка[27].

Катя-Катерина,
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе.
три окошка во дворе[28].

---

[26] Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1983. Т. 1. № 260. Песня представляет собой один из фольклоризованных вариантов песни Торопки из либретто А. Н. Загоскина к опере А. Верстовского «Аскольдова могила» (1835). В репертуар многих современных фольклорных коллективов входит песня: «Катенька веселая, / Катя чернобровая! / Пройди, Катя, горенкой, / Топни, радость, ноженькой. / – Рада бы я топнула, – / Моё сердце дрогнуло: / Боюсь, боюсь батюшки, / Опасаюсь матушки...».

[27] Детский фольклор Карелии / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991. С. 112. № 379, 379а.

[28] *Виноградов Г. С.* «Страна детей». Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999. С. 71. № 113.

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина,
Не чернилам, не пером –
Из лохани помёлом[29].

Интересно, что эта дразнилка, записанная Г. С. Виноградовым в начале 1920-х гг. в Тулунском уезде Иркутской губернии, спустя более полувека (в 1989 г.) оказалась зафиксирована в Архангельской области в качестве колыбельной песни:

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина,
Не чернилами, не пером –
Из лоханки помёлом
(смеётся)
Баю, баюшки, бай-бай-бай![30]

Нельзя не вспомнить об анекдотах, криминальных историях, связанных с катеринками, катеньками, катьками – в просторечии сторублевыми купюрами с изображением императрицы Екатерины II. Вспоминается есенинское:

Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом.
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.
(С. Есенин. Анна Снегина)

Однако существовали и произведения, где Катерина представала верной женой, подругой. В известной балладе на сюжет «муж губит жену» Екатерина – верная жена князя Михайла, оклеветанная и погубленная его матерью.

Катериной обычно зовут и безропотную невесту-жену Алексея, человека Божьего (духовный стих). Послушный сын, он не смог перечить родителям и пошел под венец с «обручной княгиней Катериной». «Когда молодые пошли в опочивальню, то Алексей спросил княгиню: "Ты станешь ли со мной за един Богу молиться? Про меж нас будет Святой Дух!"

[29] Там же. С. 68. № 70.

[30] Золотая веточка. Детский фольклор Каргопольского и Коношского районов Архангельской области / Сост., подгот. текстов, нотации, коммент., ст. Е. И. Якубовской. СПб., 2021. С. 89.

Но ничего не ответила она. Тогда Алексей встал с кровати, снял с себя шелковый пояс и золотой перстень, отдал их обрученной жене» и ушел из дома, принял добровольное нищенство. Его обручная княгиня не последовала за ним, но сохранила ему верность, осталась жить в доме родителей Алексея[31].

Думаю, без учета народного контекста, всех смыслов и оттенков значений имени Катерина (Катя), закрепленных в традиционной культуре, трудно до конца понять и оценить одноименных героинь в «Воскресении» Л. Н. Толстого, «Грозе» А. Н. Островского, «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова, «Двенадцати» А. Блока, многочисленных Катерин Ф. М. Достоевского.

Интересно, что в советское время песенная Катерина сменила имидж. В блатных текстах, жестоких, мещанских романсах и балладах имя Катерины практически не встречается. Ее заменили Маруси, Мурки, Соньки, Розы, Аннеты, Мэри и т. п. Зато появился положительный образ Катюши, который пришелся очень по душе едва ли не всему населению. Это песня времен Великой Отечественной войны «Сандружинница Катюша». И, конечно, наш бренд наряду с матрешкой, водкой и медведем – «Расцветали яблони и груши...», а также знаменитая ракетная установка, любовно названная солдатами «катюшей». Кстати, участники Зимней войны с финнами (1939) вспоминали, как финны кричали из окопов: «Рус, играй “Катюша”, а то стрелять будем!»

Литература

«А в Усть-Цильме поют...»: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Сост. А. Н. Власов; Подгот текстов и коммент.: А. Н. Власов, З. Н. Бильчук, Т. С. Канева; Муз. расшифровки: А. Н. Захаров; Вступ. ст.: А. Н. Власов, Т. С. Канева; Под ред. А. Н. Розова, Ю. И. Марченко, Н. С. Сергиевой. СПб., 1992.

Бахтин В. С. Русская лирическая песня. СПб., 2004.

Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова / Послесловие, примеч. и подгот. текстов А. К. Байбурина. СПб., 1994.

Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999.

Вятский фольклор: Заговорное искусство. Котельнич, 1994.

Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995.

[31] Энциклопедия литературных героев. Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998. С. 357–358.

Городские песни, баллады, романсы / Сост., коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М., 1999.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Детский фольклор Карелии / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991.

Ермолов А. С. Всенародный месяцеслов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901. Т. 1.

Жития святых по изложению св. Димитрия Ростовского: В 12 т. Киев, 2004. Т. 3: Месяц ноябрь.

Золотая веточка. Детский фольклор Каргопольского и Коношского районов Архангельской области / Сост., подгот. текстов, нотации, коммент., ст. Е. И. Якубовской. СПб., 2021.

Иванов Е. П. Русский народный лубок. М.; Л., 1937.

Лубок. Часть 1. Лирическая песня / Сост. и коммент. С. А. Клепикова. М., 1939.

Молитвы и заклинания в круге жизни / Сост. К. Шумов. Пермь, 1997.

Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г. Д. Рыженков. М., 1991.

Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М., 1991.

Русский лубок XVII–XIX вв. / Авт.-сост. Вл. Бахтин, Дм. Молдавский. М.; Л., 1962.

Русские народные песни, собранные Николаем Львовым, положенные на музыку Иваном Прачем, опубликованные в 1790–1806 гг. / Изд. подгот. Е. Е. Васильевой, В. А. Лапиным, оформление А. В. Стрельникова. СПб., 2012.

Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989.

Толстая С. М. Имя // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 408–413.

Толстой Н. И. Народная этимология и «этимологическая магия» // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332.

Флоренский Павел. Имена. Кострома, 1993.

Энциклопедия литературных героев. Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998.

References

Anikin, V. P., ed. (1989). *Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I. P. Sakharovym*. Moscow.

Baiburin, A. K., ed. (1994). *Velikorusskie zaklinaniya. Sbornik L. N. Maikova*. Saint-Petersburg.

Bakhtin, V., Moldavskii, D., eds. (1962). *Russkii lubok XVII–XIX vv*. Moscow; Leningrad.

Bakhtin, V. S., ed. (2004). *Russkaya liricheskaya pesnya*. Saint-Petersburg.

Dal', V. I., ed. (1957). *Poslovitsy russkogo naroda*. Moscow.

Ermolov, A. S. (1901). *Vsenarodnyi mesyatseslov. Narodnaya sel'skokhozyaistvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh*. Saint-Petersburg, 1.

Florenskii, P. (1993). *Imena*. Kostroma.

Ivanov, E. P., ed. (1937). *Russkii narodnyi lubok*. Moscow; Leningrad.

Ivanova, A. A., ed. (1995). *Vyatskii fol'klor. Narodnyi kalendar'*. Kotel'nich.

Klepikov, S. A., ed. (1939). *Lubok*. Moscow, 1.

Klyuchevskii, V. O., ed. (1991–1994). *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sv. Dimitriya Rostovskogo s dopolneniyami, ob"yasnitel'nymi primechaniyami i izobrazheniyami svyatykh*. Moscow.

Kulagina, A. V., Selivanov, F. M., eds. (1999). *Gorodskie pesni, ballady, romansy.* Moscow.

Loiter, S. M., ed. (1991). *Detskii fol'klor Karelii*. Petrozavodsk.

Nekrylova, A. F., Savushkina, N. I., eds. (1991). *Narodnyi teatr*. Moscow.

Rogachevskaya, E. B., ed. (1998). *Entsiklopediya literaturnykh geroev. Russkii fol'klor i drevnerusskaya literatura*. Moscow.

Ryzhenkov, G. D., ed. (1991). *Narodnyi mesyatseslov: Poslovitsy, pogovorki, primety, prislov'ya o vremenakh goda i o pogode*. Moscow.

Shumov, K., ed. (1997). *Molitvy i zaklinaniya v kruge zhizni*. Perm'.

Tolstaya, S. M. (1999). Imya, in: N. I. Tolstoi, ed. *Slavyanskie Drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, 2, 408–413.

Tolstoi, N. I. (1995). Narodnaya etimologiya i «etimologicheskaya magiya», in: N. I. Tolstoi, *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, 317–332.

Vasil'eva, E. E., Lapin, V. A., eds. (2012). *Russkie narodnye pesni, sobrannye Nikolaem L'vovym, polozhennye na muzyku Ivanom Prachem. opublikovannye v 1790–1806 godah*. Saint-Petersburg.

Vinogradov, G. S. (1999). *«Strana detei». Izbrannye trudy po etnografii detstva*. Saint-Petersburg.

Vlasov, A. N., ed. (1992). *«A v Ust'-Tsil'me poyut...». Traditsionnyi pesenno-igrovoi fol'klor Ust'-Tsil'my*. Saint-Petersburg.

Vylegzhanin, A., ed. (1994). *Vyatskii fol'klor. Zagovornoe iskusstvo*. Kotel'nich.

Yakubovskaya, E. I., ed. (2021). *Zolotaya vetochka. Detskii fol'klor Kargopol'skogo i Konoshskogo raionov Arkhangel'skoi oblasti*. Saint-Petersburg.

Zhitiya svyatykh po izlozheniyu sv. Dimitriya Rostovskogo. (2004). V 12 t. Kiev, 3: Mesyats noyabr'.